

Елена Образцова:

НЕТ И НЕ ПРЕДВИДИТСЯ

для меня новых ролей в Большом театре

Елену Образцову, думается, представлять не надо. К сожалению, выдающаяся певица стала редким гостем в Москве — контракты с ней заключают самые престижные театры мира. Но в начале нынешнего года певица ненадолго

приезжала на Родину, выступала на сцене Большого театра. Что думает она о состоянии отечественной культуры, об «оттоке» за рубеж деятелей искусства? Об этом беседа корреспондента «Труда» с Еленой Образцовой.

весь этот шум вокруг «уехавших-приехавших» производит очень неприятное впечатление, напоминает очередную моду.

Однажды у меня сорвалась запись «Реквиема» Д. Верди с итальянским дирижером К. Аббадо из-за того, что Госконцерт не оформил вовремя контракт, затем тот же Госконцерт забыл предупредить дирижера Г. Караяна о невозможности из-за болезни моего участия в Зальцбургском фестивале... Было еще много случаев в моей творческой жизни, когда кто-то будто бы специально наталкивал меня на мысль остаться за рубежом. Доводили до отчаяния, но никогда, никогда я не могла бы остаться.

— Вы, кстати сказать, еще несколько лет назад говорили о своем намерении сделать запись оперы Д. Пуччини «Тоска» с Г. Караяном. Почему же запись не состоялась?

— С Караяном я должна была записать не только «Тоску», но и еще пять дисков. Но случилась просто трагедия. Я попала в больницу и не могла поехать петь в опере «Трубадур» Д. Верди на Зальцбургском фестивале. Г. Караян ждал до последней минуты и потом в негодовании сказал, что больше работать с русскими артистами не будет. И слово свое, к сожалению, сдержал.

— Госконцерт продолжает свою практику присвоения большей части гонораров артистов. Поэтому многие музыканты предпочитают обходиться без него. Вы не собираетесь поступить так же?

— Совсем недавно у меня состоялся разговор с генеральным директором Госконцерта: мне предложили необычайно выгодные, неслыханные для этой организации условия отчислений от гонораров. Но у меня уже есть менеджер, очень энергичный и опытный человек. И по этому пути идут действительно многие артисты. Что касается Госконцерта... Заинтересован ли он работать для артиста, а не для себя — вот вопрос.

— Пианист А. Гаврилов, больше известный на Западе, чем у нас, утверждает, что многих больших музыкантов за рубежом сейчас «выпихивают»

люди, которые собираются в некоторое «второклассное общество звезд»...

— Очень много вокруг посредственностей. Сообща таким людям и раньше было, и сейчас действовать намного легче. Но если человек хочет работать на Родине, никто в этом не сможет ему помешать. Я думаю, что многое изменилось, хочу в это верить.

— Талант артиста очень чувствителен к тому, как его используют. Артист в театре зависит от воли дирижера, режиссера, репертуарного плана... Реализовалась ли ваша творческая индивидуальность в Большом театре?

— В Большом — нет. Сейчас у меня осталось всего несколько партий в оперных спектаклях: Шарлотта в «Вертере» Ж. Массне, Графиня в «Пиковой даме» П. Чайковского, Сантуца в «Сельской чести» П. Маскани. На этот сезон у меня заключен контракт с нью-йоркским театром «Метрополитен-опера». И за те полтора месяца, что предоставлены для отдыха, я уже спела, и не раз, весь свой репертуар в Большом театре, во всех трех спектаклях, дав между ними четыре концерта в Москве и Ленинграде. Новых партий для меня в Большом театре нет и не предвидится. Спасибо судьбе: жизнь сложилась так, что я смогла реализоваться в другом месте. Жаль только, что не для нашей публики.

Я успела захватить замечательную пору в Большом театре, когда там работали большие певцы. Они никогда не дружили между собой — антагонизм присутствовал всегда. Все они большие индивидуальности, и поэтому каждый как бы защищал свое «поле». Коллектива, как такового, не было, но были большие музыканты, которые вместе работали, уважали друг друга. Среди них и А. Мелик-Пашаев, и Е. Светланов, и Г. Рождественский... Можно по-разному относиться к ним, как к людям, но если за пультom стоит блестящий музыкант и рядом талантливый режиссер, то всякие неурядицы можно пережить. А если театр возглавит недобрый, с большим гонором

человек, да еще и плохой музыкант — это уже совсем печально. Думаю, что одна из самых трудных профессий — дирижера и художественного руководителя театра. Ведь театр — это собрание индивидуальностей, людей, скажем так, малоуправляемых. Их, как маленьких детей, надо искренне любить. И тогда таланты раскрываются еще больше. Только в атмосфере любви и радости может творить артист.

— Вам предстоит завершить свой сезон в «Метрополитен-опера». С каким настроением уезжаете?

— У меня есть семья, дочь, внук. Всегда очень за них переживаю. А в это тревожное время буду от них так далеко. Настроение поэтому грустное. Но у меня есть одно качество: чем ситуация труднее, тем больше я ощущаю, что принадлежу России. Здесь, в России, у меня есть дом, место, где я родилась. Я — ленинградка. И всегда сердце мое с моим городом. Ведь родина — то, без чего невозможно жить.

Никогда не поверю, что эмиграция — благо. Недавно я пела концерт для эмигрантов. И все они в один голос говорили, что эмиграция — трагедия. Люди должны быть дома, жить дома, творить дома, для своего народа и черпать силы в нем. И, будем надеяться, скоро у нас все так изменится, что не нужно будет калечить людские судьбы, не нужно будет людям покидать свой кров, место, где они родились.

— Есть ли перспективы у нашего оперного искусства? Есть ли молодые силы, способные сдвинуть его с мертвой точки?

— Договорная система, выход на международные связи, привлечение больших артистов, музыкантов, дирижеров, режиссеров, но только действительно больших, мировых имен в театр — вот путь и возрождения, и развития театра. А певцы у нас есть очень хорошие, например, Дмитрий Хворостовский. Талантов в стране очень много. Но им надо помогать.

Вела беседу
И. ПУШКАРЕВА.

— Вы впервые больше полу-года жили и работали за рубежом. Что, на ваш взгляд, изменилось за это время в нашей жизни, в людях?

— Когда только вернулась из Нью-Йорка, изумил разительный контраст его ярко освещенных улиц, витрин — и безлюдных, темных переулков Москвы. Потряс Ленинград, где я была на гастролях в конце декабря. Ни одной по-праздничному украшенной елки на площадях, плохой одежде, усталые люди. Все измучены бытовыми неурядицами, жуткими очередями, нехваткой буквально самого необходимого. На улицах я не видела почти ни одного радостного, улыбающегося лица.

— Приходилось ли встречаться с представителями искусства русского зарубежья? Какие там настроения?

— Многие из тех, кто в свое время уехал на Запад, хотя бы приехать в СССР с концертами, участвовать здесь в спектаклях, танцевать тут, петь... Но возвращаться совсем не решаются — пугает нестабильность политической обстановки в стране.

— Как вы относитесь к представителям нашего искусства, эмигрировавшим на Запад?

— Это зависит от того, кто как уехал. Многим не давали творить здесь, на Родине. И очень жаль, что значительная часть их творческой деятельности прошла за рубежом. Большинство из них тоже жалеют об этом. Как, например, бывший солист балета театра имени Кирова в Ленинграде великий танцор Р. Нуриев. Он никогда не говорил плохо о своей Родине, несмотря на то, что не пускали к нему его ослепшую мать, чтобы сделать ей операцию. Я считаю, надо быть последним человеком, чтобы плохо говорить о Родине. Но, к сожалению, немало из тех, кто уехал, именно так и поступили. Что касается меня, я никогда не допускала мысли где-нибудь остаться, всегда считала своим долгом жить на Родине и петь для людей, с которыми пережила блокаду Ленинграда, которые и сейчас, надо заметить, плохо живут. А